

На правах рукописи

Шипулин Алексей Григорьевич

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ВТОРИЧНЫХ ОБРАЗОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика (филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Брянск 2023

Работа выполнена на кафедре теории английского языка и переводоведения ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Научный руководитель:

Чугунова Светлана Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»

Официальные оппоненты:

Вашунина Ирина Владимировна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой романо-германских языков ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации»

Яковлев Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»

Защита состоится «___» _____ 2023 года в ___ час. ___ мин. На заседании диссертационного совета 24.2.411.05 в Тверском государственном университете по адресу: Россия, г. Тверь, ул. Желябова, 33, ауд. 206.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке в библиотеке ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет по адресу 170100, Тверская область, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31 и на сайте ФГБОУ ВО ТвГУ.

Отзывы можно направлять по адресу: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33, учёному секретарю диссертационного совета 24.2.411.05.

Автореферат разослан «___» _____ 2023 года.

Учёный секретарь

Диссертационного совета 24.2.411.05

кандидат филологических наук, доцент П.Е. Карташова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В центре переводческого процесса находится понимающий и порождающий текст человек. Через текст индивид взаимодействует с действительностью, и одним из инструментов для изучения этого взаимодействия является понятие ментальной репрезентации, получившее широкое распространение в современной когнитивной науке. К способам существования ментальных репрезентаций в сознании относится мысленный, или вторичный, образ, изучение которого в качестве медиатора речемыслительных процессов при осуществлении межъязыкового перевода требует опоры на фундаментальные исследования в области когнитивной науки и, прежде всего, в психолингвистике. Отсюда, в данном диссертационном исследовании предпринята попытка теоретического и экспериментального изучения универсальных и специфических закономерностей влияния мысленных (вторичных) образов в сознании индивида на принятие им решений в процессе перевода художественного текста.

Актуальность темы исследования обусловлена важностью общетеоретического осмысления когнитивных механизмов, обеспечивающих понимание и воспроизводство текста на другом языке, при недостаточной их изученности, а также междисциплинарным характером этой проблемы.

Объектом исследования является формирующаяся в сознании переводчика в процессе интерпретации исходного текста и порождения текста перевода *проекция текста* как комплексное многоуровневое ментальное образование, соединяющее в себе знаковый, семантический уровни и уровень моделей ситуации.

В качестве **предмета** исследования рассматриваются мысленные, или вторичные, образы как промежуточное звено и необходимое условие создания текста перевода, их структура и трансформации в процессе перевода.

Цель диссертационного исследования состоит в экспериментальном выявлении универсальных и специфических закономерностей влияния мысленных, или вторичных, образов, формируемых при восприятии и интерпретации художественного текста, на результаты переводческой деятельности индивида с фокусированием внимания на индивидуальных особенностях мысленных образов. Достижение заявленной цели может быть обеспечено через выполнение следующих **задач**:

- представить научный контекст изучения феномена мысленных образов у человека вообще и у переводчика в процессе работы над текстом, в частности;
- обобщить опыт исследований индивидуальных когнитивных особенностей обработки вербальной информации и сопоставить имеющиеся подходы к их оценке;
- сформулировать рабочую гипотезу исследования для её экспериментальной верификации;
- организовать и провести психолингвистическое экспериментальное исследование для выяснения влияния структурных особенностей вторичного образа на процесс перевода и его результаты;

- осуществить анализ и интерпретацию результатов экспериментального исследования;
- выявить особенности вторичного образа, способствующие адекватному переводу текста;
- обобщить полученные результаты и предложить трактовку явлений и процессов, обнаруженных в ходе эксперимента;
- предложить когнитивную модель процесса перевода с учётом результатов эксперимента.

В качестве **рабочей гипотезы** было выдвинуто следующее предположение: рассогласование ряда формальных межъязыковых соответствий с интегративным образом действительности, описываемой в тексте, с большей вероятностью отмечается теми переводчиками, которые проявляют сравнительно высокую предрасположенность к когнитивной обработке информации при помощи мысленных, или вторичных, образов. Отсюда, понимание неадекватности частотных формальных соответствий целостному образу ситуации должно инициировать поиск других, более подходящих вариантов перевода, что должно найти отражение в переводном тексте.

Теоретической базой для настоящего диссертационного исследования послужили труды отечественных и зарубежных учёных по следующим научным направлениям:

- психолингвистика: В.П. Белянин, В.З. Демьянков, А.А. Залевская, М.Г. Колбенева, Е.Н. Колодкина, А.А. Леонтьев, И.Л. Медведева, А.Г. Минченков, Н.В. Рафикова, О.В. Тиунова, Р.М. Фрумкина, С.А. Чугунова, А.С. Graesser, С. Martín de León, D.S. McNamara;

- когнитивная лингвистика: Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, В.А. Садикова, Э. Рош, Н. Хомский;

- переводоведение: И.С. Алексеева, Л.С. Бархударов, Н.К. Гарбовский, В.Н. Комиссаров, Л.К. Латышев, Э.Д. Львовская, Р.К. Миньяр-Белоручев, О.В. Петрова, Я.И. Рецкер, В.В. Сдобников, В.И. Хайруллин, М. Lederer, В. Lewandowska-Tomaszczyk, M.R. Muñoz, D. Seleskovitch, G. Toury;

- психология: Б.Г. Ананьев, Э. Боно, Н.И. Жинкин, А.Н. Леонтьев, А.Н. Соколов, В.А. Сонин, L.W. Barsalou, O. Blajenkova, M. Kozhevnikov, S.M. Kosslyn, A. Paivio, Raposo, S. Tirkkonen-Condit и другие.

Проведённое исследование основано на фундаментальных положениях различных направлений в изучении мысленных (вторичных) образов в когнитивной науке и психолингвистике, в частности в корпоральной семантике и в деятельностном психолингвистическом подходе: теории языка и ситуативной симуляции Л. Барсалу и концепции встречного моделирования.

В результате проведённого исследования были сформированы и выносятся на защиту следующие **теоретические положения**:

1. Использование предметно-пространственных мысленных (вторичных) образов следует рассматривать как свойство мышления, влияющее на решение когнитивных задач различной степени сложности, включая художественный перевод, и способное иметь разную степень выраженности.

2. Формирующиеся при чтении и переводе художественного текста образы ситуации носят интегративный характер, включая в себя модальности разных видов.

3. Влияние пространственного воображения, т.е. способности к построению схем и выявлению пространственных отношений, на нахождение переводчиками адекватных вариантов в большинстве случаев невелико, и становится статистически значимым при его значении ниже определённого порогового уровня, что проявляется в меньшей доле адекватных переводческих решений. В большей степени влияние способности к построению пространственных образов проявляется в заметном снижении вероятности переводческих ошибок.

4. Высокий уровень склонности к использованию предметно-ситуативных образов оказывает положительное влияние на нахождение переводчиком адекватных переводческих решений.

5. Вербальные способности индивида не оказывают влияния на переводческие решения с точки зрения их соответствия ситуации, описываемой в тексте.

Материалом исследования послужили данные, полученные в ходе проведения эмпирического исследования с участием 90 студентов старших курсов факультета иностранных языков Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского. Исследовательский корпус составили: 1) ответы испытуемых в анкете-опроснике (всего 4050 ответов); 2) выполненные испытуемыми переводы художественного текста – 90 переводов.

В соответствии с целью и задачами изыскания в работе использовались следующие **методы исследования**: *общенаучные*: комплексный теоретический анализ научной литературы, описательно-аналитический, гипотетико-дедуктивный методы; *частнонаучные*: опрос, субъективное шкалирование, психолингвистический анализ текста, психолингвистический эксперимент с количественным и качественным анализом и статистической обработкой экспериментальных данных, сопоставительный анализ, моделирование.

Научная новизна исследования определяется применением комплексного междисциплинарного подхода к феномену мысленного (вторичного) образа как медиатора речемыслительных процессов в художественном переводе с опорой на результаты отечественных и иностранных исследований в области когнитивной науки, в первую очередь концепцию двусистемного познания и теорию встречного моделирования. Впервые при помощи психолингвистического эксперимента изучено влияние вторичных образов предметного и пространственно-схематического характера на процесс перевода художественного текста. В результате эксперимента установлена ведущая роль предметных образов для нахождения адекватных переводческих решений и выявлено негативное влияние на результаты перевода низкого пространственного воображения, проявляющееся в большей вероятности использования буквализмов и неадекватных трансформаций. На основе полученных данных предложена модель процесса принятия переводческих решений в зависимости от индивидуальных склонностей к построению мысленных (вторичных) образов той или иной природы.

Теоретическая значимость работы обусловлена вкладом в разработку психолингвистической (деятельностной) теории перевода через постановку проблемы активных когнитивных механизмов в процессе перевода, в частности, связи процесса перевода художественного текста с феноменом мысленного (вторичного) образа, без чего изучение перевода как процесса, осуществляемого мыслящим, чувствующим и действующим индивидом, получает неполную научную интерпретацию.

Практическая ценность исследования определяется возможностью использования его результатов при решении ряда психолингвистических, переводоведческих и дидактических задач. Основные выводы могут быть включены в лекционно-семинарские курсы и спецкурсы по психолингвистике и теории перевода.

Достоверность научных выводов и положений подкрепляется: а) фундаментальной теоретической базой исследования, основанной на трудах классиков и современных достижениях в области психолингвистики, когнитивной науки и переводоведения (182 источника, из них 117 – иноязычные источники); б) тщательно продуманным выбором и корректным использованием экспериментальных методов и методик с дальнейшей обработкой полученных в ходе эксперимента результатов, включающих ответы испытуемых в анкетно-опроснике (всего 4050 ответов) и выполненные ими переводы художественного текста (всего 90); в) привлечением значительного количества испытуемых – студентов старших курсов факультета иностранных языков (90 чел.).

Основные положения исследования прошли **апробацию** в форме докладов на международных, всероссийских и региональных конференциях: XIII и XIV Всероссийские научно-практические электронные конференции с международным участием «Язык. Образование. Культура» (Курск, ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации 22–27 апреля 2019 г.; 18–23 мая 2020 г.); XVI и XVII Международные Березинские чтения «Языковое бытие человека и этноса» (Московский государственный лингвистический университет, 24–25 мая 2019 г.; 24–25 декабря 2020); Региональная научно-практическая конференция «Векторы современного развития лингвистики, филологии, переводоведения и педагогики» с международным участием (Брянский государственный технический университет, 25 июня 2020 г.); Национальная научно-практическая конференция с международным участием «Университет на пути к новому качеству науки и образования» (Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 24 сентября 2020 г.); XXI Международная научно-практическая конференция «Языковой дискурс в социальной практике» (Тверской государственный университет, 2-3 апреля 2021 года); Национальная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Филология и лингводидактика в современном научном и образовательном пространстве» (Институт русской и романо-германской филологии ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» 14-15 апреля 2021 г.); Международная конференция «Жизнь языка в культуре и социуме-8» (Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт

языкознания Российской академии наук и Российский университет дружбы народов 28-29 мая 2021 г.); II Международная научно-методическая конференция «Лингвориторические основы самопроектирования сильной языковой личности диалогического типа (русский язык как родной, как государственный, как иностранный)» (Сочинский государственный университет, 12–14 мая 2021 г.); Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы переводоведения и лингводидактики в контексте межкультурного взаимодействия» (Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского 17–18 сентября 2021 г.), а также в форме отчётных выступлений на заседаниях кафедры теории английского языка и переводоведения Брянского государственного университета имени акад. И.Г. Петровского, направление подготовки – 45.06.01 Языкознание и литературоведение (профиль – Теория языка).

По теме исследования опубликовано 13 научных работ (5,12 п.л.), 3 из них напечатаны в изданиях, включённых в перечень рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК.

Структура диссертации определяется спецификой поставленных задач, характером объекта и предмета изучения. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав с выводами, заключения, библиографического списка и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяются объект и предмет исследования, обосновываются его теоретическая и практическая значимость, актуальность и научная новизна, формулируются цель и задачи исследования, а также положения, выносимые на защиту.

В **главе 1 «Теоретические основы исследования мысленных образов в когнитивной науке и переводоведении»** проводится аналитический обзор основных подходов к природе мысленных (вторичных) образов, определяются основные положения современной когнитивной науки в отношении мысленных образов, а также перспективы их применения к исследованию процесса перевода.

Одним из инструментов для изучения взаимодействия человека с действительностью через текст является понятие ментальной репрезентации, или способ существования информации в сознании. Спектр понимания ментальных репрезентаций, к которым относится и мысленный (вторичный) образ, простирается от абстрактных и амодальных символов, аналогичных формам естественного языка, до опытных схем и основанных на телесном опыте динамических ситуативных моделей. Каждый из подходов основывается на определённых теоретических предпосылках, которые, однако, не всегда подвергаются детальному критическому анализу.

В психологии различают первичные, или перцептивные, образы (перцепты), возникающие в сознании при непосредственном восприятии объекта, и вторичные, или мысленные, образы, формируемые в сознании человека в отсутствие непосредственно воздействующего на него объекта [Гостев 2007], в

частности, при воспоминании о некогда воспринятом объекте, фантазировании, а также при выполнении различных когнитивных и практических задач, включая понимание и перевод текста.

К настоящему времени существует достаточно большая экспериментальная база, подтверждающая, что вторичные образы участвуют в понимании текста, что имеет большое значение для дальнейшего изучения процесса перевода. Ряд исследователей с различных позиций пришли к выводу, что мысленные образы могут успешно использоваться при обучении переводу, в частности для снижения межъязыковой интерференции и расширения объёма памяти в устном переводе. Одними из первых об этом заговорили создатели интерпретативной модели перевода Д. Селескович и М. Ледерер, не приводя, однако, фундаментального обоснования когнитивных процессов, лежащих в основе данного дидактического принципа. В то же время ряд исследований [Carl & Dragsted 2017; Muñoz 2010; Toury 1995] показывает, что переводчики склонны прибегать к известным регулярным соответствиям, в большой степени имитирующим языковые структуры оригинала, и задействуют более сложные когнитивные процессы, только если стандартное решение оказывается неадекватным.

Данные факты говорят в пользу взаимодействия различных когнитивных стратегий в процессе перевода, которые могут быть описаны с помощью двух альтернативных, но не взаимоисключающих моделей – горизонтальной и вертикальной [Paradis 1994]. Первая предполагает непосредственный переход от языковых единиц оригинального текста к их (ранее усвоенным) регулярным соответствиям на языке перевода. При этом большинство исследователей полагают, что у билингвов вообще и у переводчиков в частности активируются единицы обоих языков, независимо от того, на каком языке осуществляется коммуникация в данный момент (см. [Kroll & Dussias 2013]). Напротив, вертикальная модель выделяет в процессе перевода два последовательных монолингвальных этапа, на первом из которых осуществляется понимание исходного высказывания, т.е. декодирование текста-источника в ментальные репрезентации содержания, на втором – воплощение репрезентаций в тексте перевода.

То, какая модель лучше описывает процесс перевода в каждом конкретном случае, может зависеть и от профессионализма переводчика, и от ситуации перевода, и от специфики материала, с которым он работает. Можно ожидать, что перевод по горизонтальной модели будет чаще возможен в случае формализованных текстов с большим количеством стандартных речевых формул и значительно реже в художественном переводе.

Как нам представляется, в наибольшей степени пониманию когнитивных процессов при переводе могут способствовать такие двухсистемные модели интерпретации текстовой информации, как теория языка и ситуативной симуляции Л. Барсалоу и концепция встречного моделирования, или конструирования ситуаций, А.А. Залевской. Исходя из данных моделей, процесс интерпретации текста переводчиком можно рассматривать как циклический двухсистемный процесс, который инициируется при восприятии текста путём активации ассоциированных языковых форм как в исходном языке, так и на

языке перевода. В определённых случаях сравнительно быстрые, поверхностные ассоциативные процессы могут оказаться адекватными выполняемой переводческой задаче. При этом, если переводчик не ощущает никаких несоответствий и несообразностей в своей первоначальной версии перевода, вызываемые языковыми формами ситуативные ментальные модели, вероятно, останутся частично или полностью неосознанными, притом, что они оказывают влияние на оценку адекватности выполненного перевода. В тех случаях, когда требуется более глубокое понимание текста, переводчик может осознанно прибегать к ментальным образам как к источнику релевантной информации, управлять ими и трансформировать их. При этом ментальные образы могут быть более или менее чёткими, более или менее схематичными.

Можно предположить, что использование мысленных, или вторичных по отношению к непосредственному восприятию действительности, ментальных образов имеет наибольшее значение именно при письменном переводе, который не столь жёстко ограничен временными рамками, как устный, но предъявляет более высокие требования при подборе соответствий. Особое место здесь занимает перевод художественных текстов, эстетическая наполненность и специфика индивидуального стиля которых может ставить перед переводчиком очень нетривиальные задачи. Подробное изучение роли и специфики вторичных ментальных образов в процессе художественного перевода, несомненно, имеет большое значение как для переводоведения, так и для дальнейшего развития универсальной психолингвистической теории восприятия и производства текстов.

Глава 2 «Экспериментальное исследование влияния индивидуальных особенностей использования мысленных образов на переводческие решения при переводе художественного текста» посвящена обсуждению вопросов проведения и анализу результатов эксперимента с целью выявления закономерностей влияния вторичных образов, которые строит переводчик в процессе работы в своём сознании, на результаты перевода. В эксперименте приняли участие 90 студентов III-V курсов факультета иностранных языков Брянского госуниверситета: 37 (41 %) студентов III курса, 38 (42 %) студентов IV курса и 15 (17 %) студентов V курса. Для всех русский язык является родным, а английский – основным изучаемым иностранным языком.

Экспериментальное исследование проводилось в два этапа.

Первый этап подразумевал диагностику индивидуальных особенностей использования испытуемыми различных стратегий в процессе когнитивной обработки информации.

Поскольку вторичный образ представляет собой весьма многогранное явление, в нашем исследовании мы вынужденно ограничились наиболее базовыми его характеристиками. Как показано представителями Тверской психолингвистической школы (А.А. Залевская, Е.В. Карасева, С.А. Чугунова и другие), основной составляющей образа, присутствующей в значении каждого слова и лежащей в основе понимания текста, является предметно-чувственный компонент с превалированием зрительной модальности.

В случае визуальной модальности возможно говорить о существовании

мысленных образов двух различных типов: предметных и пространственных [Kozhevnikov et al. 2007], индивидуальная склонность к построению которых может отличаться от индивида к индивиду и сказываться на успешности выполнения тех или иных задач. Предметные образы представляют собой иконические, аналоговые репрезентации предметов и сцен, а пространственные – более схематичные репрезентации, сконцентрированные на пространственных отношениях. Эта концепция подтверждается нейронаучными исследованиями мозга, согласно которым обработка различных аспектов визуальной информации происходит при помощи двух различных нейронных путей [Kosslyn et al. 2006; Lamm et al. 1999; Motes et al. 2008; Mazard et al. 2004].

Для изучения индивидуальных когнитивных особенностей нами был использован «Опросник предметного и пространственного воображения и вербальных способностей» [Blazhenkova & Kozhevnikov 2009], показавший в различных исследованиях высокую внутреннюю согласованность, конструктивную и конвергентную валидность и ретестовую надёжность. Опрос проходил в очной форме в группах различной наполняемости (от 8 до 21 испытуемых) в письменной форме с применением индивидуального опросного листа в течение пятнадцати минут. Перед началом опроса с участниками был проведён устный инструктаж по заполнению бланков опросника; кроме того, каждый опросный лист содержал краткую инструкцию по заполнению.

Опросник включает в себя три субшкалы, каждая из которых состоит из 15 утверждений. Утверждения, относящиеся к разным субшкалам, чередуются случайным образом. Две субшкалы соотносятся с образным мышлением, и одна – с обработкой вербальной информации. Испытуемым требовалось оценить по пятибалльной шкале, насколько каждое утверждение соответствует их способностям и склонностям – от 1 (совершенно не соответствует) до 5 (полностью соответствует). Окончательная оценка по каждой субшкале – это среднее значение ответов по 15 пунктам. Субшкала «Предметное воображение» позволяет оценить способность строить яркие и детализированные мысленные образы не только предметов, но и сцен, ситуаций. Поэтому данную субшкалу можно было бы иначе озаглавить как «предметно-ситуативное воображение». (Примеры утверждений данной субшкалы: *Закрыв глаза, я могу легко представить себе сцену, которую пережил(а). Мои мысленные представления предметов очень точно и детально отражают размер, форму и цвет виденных мною реальных предметов*). Субшкала «Пространственное воображение» оценивает способность к когнитивной обработке местоположения предметов, их движения и преобразования при помощи более абстрактных и схематичных мысленных образов. Третья субшкала измеряет использование вербальных стратегий.

Для каждого испытуемого была вычислена средняя оценка по каждой из трёх субшкал. Средние оценки по трём параметрам для наших испытуемых (строка 1) даны в сравнении с оценками для других групп респондентов по данным, опубликованным в работе [Blazhenkova & Kozhevnikov 2009] (см. Табл. 1). Самые высокие оценки по каждому параметру опросника выделены полужирным шрифтом.

Табл. 1. Средние оценки параметров когнитивных способностей для разных групп респондентов

Респонденты	Предметное воображение	Пространственное воображение	Вербальные способности
Студенты БГУ, участники нашего эксперимента	3,80	2,25	3,25
Население в целом	3,63	2,83	2,99
Специалисты по естественным и техническим наукам	3,23	3,41	2,71
Работники изобразительного искусства	4,01	2,92	2,72
Гуманитарии	3,39	2,63	3,51

Как мы видим, средний уровень оценок предметного воображения у наших испытуемых довольно высок – больше, чем при опросе населения без учёта рода деятельности, а также в двух профессиональных группах – специалистов по естественным и техническим наукам и гуманитариев в целом, но ниже, чем в группе работников изобразительного искусства. Также испытуемые показали высокий уровень оценок вербальных способностей, уступая только группе гуманитариев в целом. Заметим, что в случае последней группы речь идёт о профессиональных журналистах, преподавателях родного языка и литературы, историках и философах, занятых в соответствующей сфере не менее двух лет [Ibid.]. Напротив, средняя оценка пространственного воображения для группы наших испытуемых оказалась довольно низкой, уступая как населению в целом, так и всем профессиональным группам, используемым в сравнении.

Поскольку в нашем исследовании участвовали только студенты факультета иностранных языков, мы ожидаемо получили несколько меньший разброс значений по всем трём показателям по сравнению с данными опроса населения в целом и трёх довольно широких профессиональных групп. Коэффициенты корреляции между вербальной и пространственной, а также вербальной и предметной субшкалами близки к нулевым. Можно утверждать, что рассматриваемые характеристики являются относительно независимыми.

На **втором этапе** эксперимента участники получили задание письменно перевести художественный текст объёмом 2630 знаков (473 слова), результаты перевода которого были сопоставлены с данными анкетирования на первом этапе экспериментального исследования. Испытуемые могли пользоваться словарями и любыми справочными ресурсами, включая интернет-ресурсы, как это бывает при обычной работе письменного переводчика. В качестве текста был предложен отрывок из первой главы романа Ф. Томсон (F. Thompson) “Still Glides the Stream” (от “*The Oxfordshire village of Restharrow... is a long, straggling place...*” до “*... was for years one of the sights of the village*”). Отрывок представляет собой фрагмент описания вымышленной деревни, в которой происходит действие, и не требует для своего понимания знакомства со всем текстом романа. Выбор продиктован тем, что: 1) отрывок представляет собой относительно законченный

по смыслу фрагмент описания, и не требует для своего понимания знакомства со всем текстом романа; 2) отрывок стимулирует образное воображение, так как содержит достаточно много объектов и персонажей, мысленная визуализация которых не должна представлять особой сложности (*village, fields, hedgerows, houses, porch, garden flowers, willows, pond, children, ducks, little girls etc.*), разнообразных характеристик живых и неживых объектов (*a long, straggling place, a honeysuckle-covered porch; a pink or yellow washed front; plain, square dwellings; hollowed by time; mass-minded ducks; her adoring Benny*), описаний их пространственного расположения и движения (*standing singly and in groups on both sides of a country byway with fields and hedgerows between; flush with the road; from the top of his load; a gable end turned to the road; waddle off, one file up and the other down the street*), фрагменты прямой и косвенной речи; 3) роман, из которого взят отрывок, не издавался на русском языке, что исключает влияние на испытуемых какого-либо уже существующего русского перевода.

Переводы испытуемых сопоставлялись с оригинальным текстом и между собой. Мы исходили из предположения, что несогласованность ряда формальных межъязыковых соответствий с интегративным образом действительности, описываемой в тексте, с большей вероятностью отмечается теми переводчиками, которые проявляют сравнительно высокую предрасположенность к когнитивной обработке информации при помощи мысленных, т.е. вторичных образов. Следовательно, понимание неадекватности частотных формальных соответствий целостному образу ситуации должно инициировать поиск других, более подходящих вариантов перевода, что должно найти отражение в переводном тексте.

Отсюда, с целью анализа полученных переводов от 90 испытуемых в переводе каждого испытуемого был произведён подсчёт количества: 1) использованных формальных соответствий, не подходящих для данной ситуации (буквализмы), таких как передача звучания слова в ущерб смыслу (*dilly-dilly – дилли-дилли*, вместо *ути-ути*), использования одного из наиболее частотных, но контекстуально неподходящего значения (*file – шеренга*, вместо контекстуально подходящего *ряд*; *light switches – выключатели*, вместо *прутики*), неудачного копирования синтаксической структуры (... *но каждое дерево с его живым пучком из серебристо-зелёных листьев*); 2) адекватных трансформаций и значений (при наличии вариативности), т.е. вариантов, не являющихся буквальным переводом и соответствующих логике и смыслу всего отрывка (... *she could not bear to think of him in conjunction with sage and onions – не могла и думать, чтобы зажарить птицу с шалфеем и луком; не могла представить его в качестве блюда на обед*); 3) неадекватных трансформаций, в значительной степени искажающих смысл и логику текста (*to call in those belonging to their families – призывать родных* вместо *звать своих уток*). Кроме того, мы сочли целесообразным выделить ещё одну группу 4) условно адекватных трансформаций, т.е. соответствующих логике переводного текста, но не смыслу оригинала (*light switches – фонарики*). Для каждого испытуемого была подсчитана процентная доля таких фрагментов по отношению к сумме вариантов, относящихся ко всем четырём вышеперечисленным группам. Очевидные

варианты перевода, использованные всеми или почти всеми испытуемыми, при этом не учитывались.

Рассмотрим варианты перевода отдельных фрагментов с точки зрения их отношения к указанным четырём группам.

В первом предложении экспериментального текста *The Oxfordshire village of Restharrow is a long, straggling place, consisting of what has always been known as 'The Street', though street it is not in the ordinary sense of the term, the cottages standing singly and in groups on both sides of a country byway with fields and hedgerows between* значительные различия в переводах касаются, во-первых, передачи словосочетания *a long, straggling place*, причём спектр вариантов у испытуемых (далее – ии.) довольно широк и разнообразен, включая:

- буквальный перевод *длинное, беспорядочное место* (30 ии.);
- адекватные трансформации: *длинная (протяженная) беспорядочно раскинувшаяся деревушка* (26 ии.);
- варианты, полностью не совпадающие со смыслом оригинала: *забытый богом уголок; далекое труднодоступное место* (19 ии.);
- варианты, не совпадающие со смыслом оригинала и плохо согласующиеся с текстом перевода в целом: *обширное отчужденное место; вытянутая заброшенная местность* (15 ии.).

Визуализировать связь между выбором различных переводческих решений и оценками когнитивных способностей позволяет диаграмма размаха, иначе называемая «ящик с усами» (см. Рис. 1, 2.). Символами Б, А, НА, УА здесь и далее обозначаются соответственно разные варианты перевода фрагментов – буквальные, адекватные, неадекватные и условно адекватные.

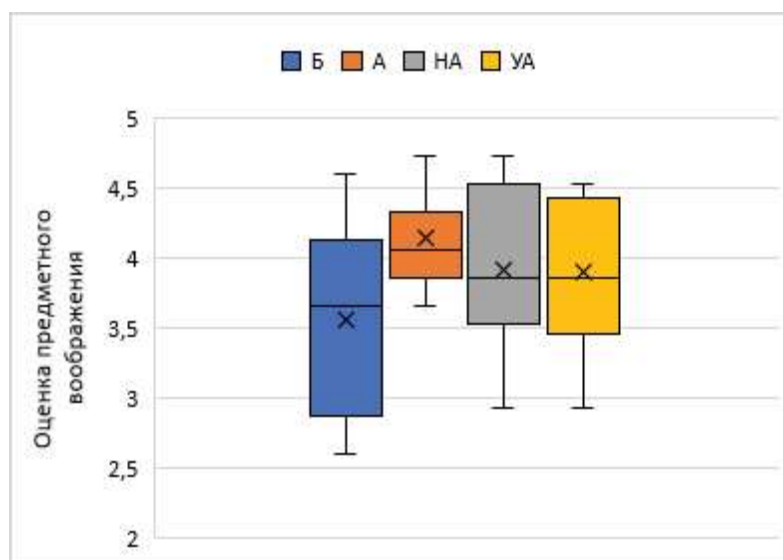

Рис. 1. Размах оценок предметного воображения для ии. с различными вариантами перевода фрагмента *a long, straggling place*

Крестик посередине прямоугольника (ящика) на диаграммах соответствует среднему арифметическому оценок по группе. Линия чуть выше или ниже крестика – медиана (т.е. у половины ии. оценки пространственного воображения лежат выше данной линии, а у другой половины ниже). Горизонтальные чёрточки

на конце «усов» – максимальное и минимальное значение. Нижняя и верхняя грани прямоугольника соответствуют первому и третьему квартилю (значениям, отделяющим $\frac{1}{4}$ и $\frac{3}{4}$ выборки). Это значит, что 50% оценок лежат в пределах граней прямоугольника.

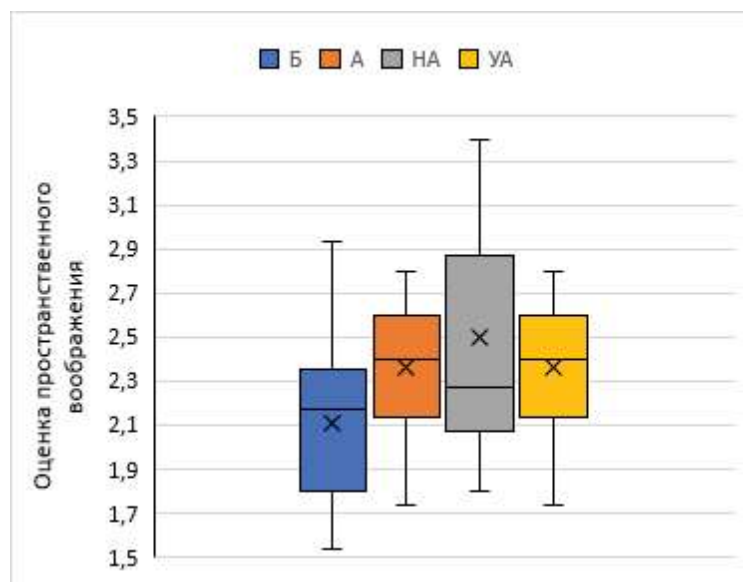

Рис. 2. Размах оценок пространственного воображения для ии. с различными вариантами перевода фрагмента *a long, straggling place*

Рассматривая зависимость перечисленных вариантов от когнитивных способностей/склонностей ии., можно видеть, что выбор буквального варианта *длинное, беспорядочное место* в среднем связан с несколько меньшими способностями к построению предметных образов, чем у целой совокупности ии.: 3,56 по сравнению с 3,80. Ещё более заметными являются различия между ии., выбравшими буквальный вариант *длинное, беспорядочное место*, и группой из 26 ии., использовавших в переводе более или менее удачные смысловые трансформации (не искажающие, однако, значительным образом смысл оригинала), такие как *длинная (протяженная) беспорядочно раскинувшаяся деревушка, обширное местечко (место), длинное разрозненное поселение, широко раскинувшаяся местность, деревня длинная и извилистая* и т.п. Средняя оценка предметного воображения у ии. второй группы составляет 4,15, т.е. более 0,5 балла, чем в группе с буквальным вариантом. (Заметим, что данная величина 4,15 практически идентична средней оценке предметного воображения в профессиональной группе работников изобразительного искусства – 4,14 балла [Blazhenkova & Kozhevnikov 2009]). При этом разница между модами (т.е. наиболее частыми оценками) составляет 1 балл.

Средние оценки вербальных способностей у двух групп при этом различаются весьма незначительно – 3,12 и 3,25.

Что касается оценки пространственного воображения, то в группе переводчиков, использовавших трансформации, она несколько выше по сравнению с «буквалистами» – 2,36 против 2,11. Это кажется неудивительным,

учитывая, что рассматриваемый фрагмент непосредственно касается пространственной конфигурации описываемого населенного пункта.

Заметим, что прямоугольник на Рис. 1, соответствующий оценкам предметного воображения в группе ии., прибегнувших к адекватным переводческим трансформациям, значительно короче, чем для групп, использовавших буквальный перевод или не вполне адекватные трансформации. Это говорит о том, что оценки предметного воображения у ии., прибегавших к смысловым трансформациям, различаются между собой меньше, чем у остальных ии., т.е. данная группа более однородна. Это может свидетельствовать в пользу того, что фактор предметного воображения играет сравнительно большую роль для нахождения переводчиком адекватных смысловых трансформаций, в то время как использование буквальных соответствий и неадекватных трансформаций связано с большим количеством других факторов (возможно, усталостью, недостатком времени, недостаточной лингвистической компетентностью). При этом оценки предметного и пространственного воображения у ии., предложивших даже неадекватные смысловые трансформации, в данном случае в среднем выше, чем у «буквалистов».

Другим элементом, вызвавшим большую вариативность при передаче процитированного выше первого предложения текста, а также второго предложения *Some of the cottages stand on high banks with flights of stone steps leading up to the doors*, выступает слово *cottages*. Одни ии. использовали при переводе заимствованное слово *коттеджи* (27 из 90 ии.), другие прибегали к вариантам *дома* (33 ии.), *домики* (26 ии.). Оба подхода имеют свои основания. Так, вариант *коттеджи* позволяет разнообразить лексику переводного текста и создать английский колорит. С другой стороны, слово *коттедж* в России с конца прошлого века обычно применяется по отношению к большим загородным домам в несколько этажей и, следовательно, не вполне соотносится со своим английским прототипом *cottage*, обозначающим непритязательный, старомодный одноэтажный домик с приусадебным участком [Некрасова 2012: 196] (ср.: *a small house, especially an old one in the country... having a thatched roof and roses round the door* [Longman Dictionary 2000]). Также *коттедж* – одно из слов, с помощью которых молодыми носителями русского языка вербализируется семантический признак ‘богатство’ [Тиунова 2019]. Таким образом, хотя *коттедж*, на наш взгляд, нельзя однозначно признать ошибочным вариантом, в данном контексте к нему, пожалуй, в большой степени применимо высказывание Н. Галь о неуместном употреблении другого заимствования из английского языка: «Как некстати бывает *холл* в скромном доме, где-нибудь в глуши или, допустим, в позапрошлом веке, где естественна передняя или прихожая!» [Галь 1987: 59]. Вместе с тем, нельзя признать удачными и такие варианты, как *избушки* (1 и.), *избы* (3 ии.), поскольку их колорит вызывает ряд ассоциаций, извращающих быт другого народа.

Рассматривая связь различных вариантов перевода слова *cottage* с оценками предметного воображения ии., мы получаем результаты аналогичные тем, что и в случае буквальных переводов и адекватных трансформаций при передаче предыдущего фрагмента, что хорошо иллюстрируется диаграммами размаха (см.

Рис. 3). Варианты *избушки* и *избы* ввиду их малого количества на диаграммах не отражены.

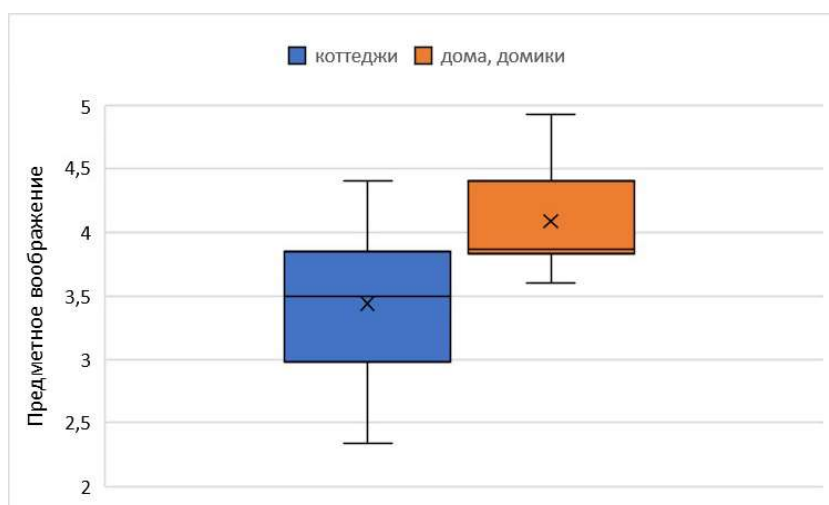

Рис. 3. Размах оценок предметного воображения для ии. с различными вариантами передачи слова *cottage*

У подавляющего числа ии., использовавших слова *дома, (сельские) домики* в качестве соответствия английскому *cottage*, оценки предметного воображения выше, чем у ии., прибегнувших к варианту *коттедж*.

В случае с пространственным воображением разница между группами, однако, не столь значительна (см. Рис. 4).

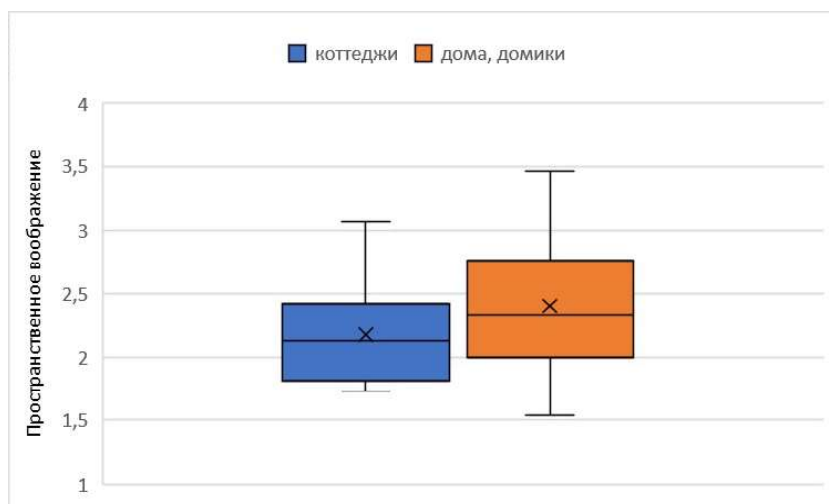

Рис. 4. Размах оценок пространственного воображения для ии. с различными вариантами передачи слова *cottage*

Наконец, вербальные способности оказываются практически полностью незначимым фактором при выборе варианта перевода (см. Рис. 5).

Для проверки связи между способностью/склонностью испытуемых к построению разных видов мысленных, или вторичных, образов и долями адекватных и неадекватных переводческих решений был проведен корреляционный анализ, позволяющий выявить меру зависимости

рассматриваемых характеристик.

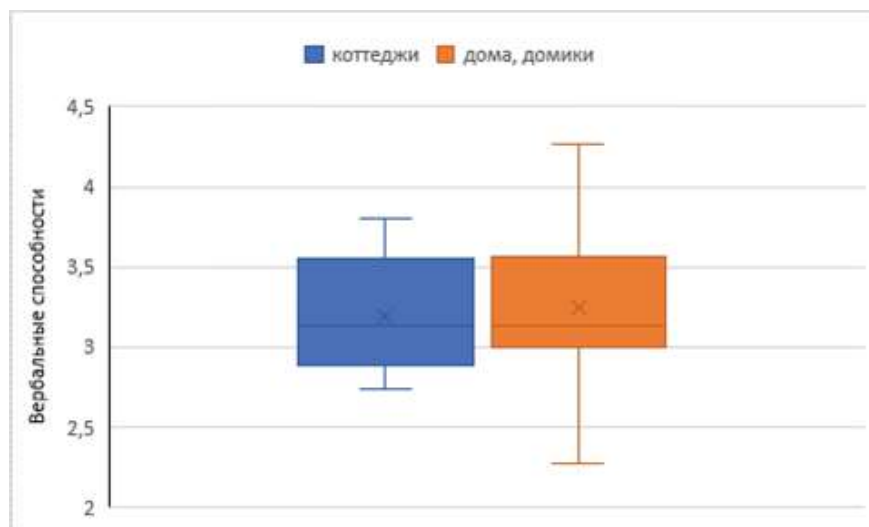

Рис. 5. Размах оценок вербальных способностей для ии. с различными вариантами передачи слова *cottage*

Поскольку в нашем случае было установлено, что распределение ряда изучаемых параметров довольно сильно отличаются от нормального, для анализа использовался непараметрический коэффициент корреляции Спирмена, подходящий для оценки корреляции независимо от характера распределения. Ниже можно видеть коэффициенты корреляции трёх субшкал опросника с относительным количеством переводческих решений разного рода (см. Табл. 2).

Табл. 2. Корреляции с использованием непараметрического коэффициента корреляции R_o Спирмена

Переводческие решения	Предметное воображение	Пространственное воображение	Вербальные способности
Буквализмы	-0,31**	-0,05	-0,04
Адекватные варианты	0,69***	0,24*	0,14
Неадекватные трансформации	-0,39***	-0,52***	0,19
Условно адекватные варианты	-0,26*	-0,04	-0,12
*** Корреляция значима на уровне 0,001 (двухсторонняя).			
** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).			
* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).			

Как видим, наибольший коэффициент корреляции между предметным воображением и долей адекватных переводов в нашем случае составил 0,69, что само по себе является значительной величиной. Для наглядности далее приведена диаграмма рассеяния данных с линией тренда (см. Рис. 6).

В соответствии со шкалой Р. Чеддока полученный результат свидетельствует в пользу наличия средней или заметной силы связи между рассматриваемыми переменными. Однако, и это наглядно представлено на диаграмме, такое сравнительно невысокое значение коэффициента корреляции

связано со значительным разбросом относительно небольшого количества точек, в то время как основная их масса образует довольно плотное вытянутое облако, из чего следует, что теснота связи между параметрами для большинства испытуемых должна быть выше, чем предполагает найденная величина коэффициента корреляции.

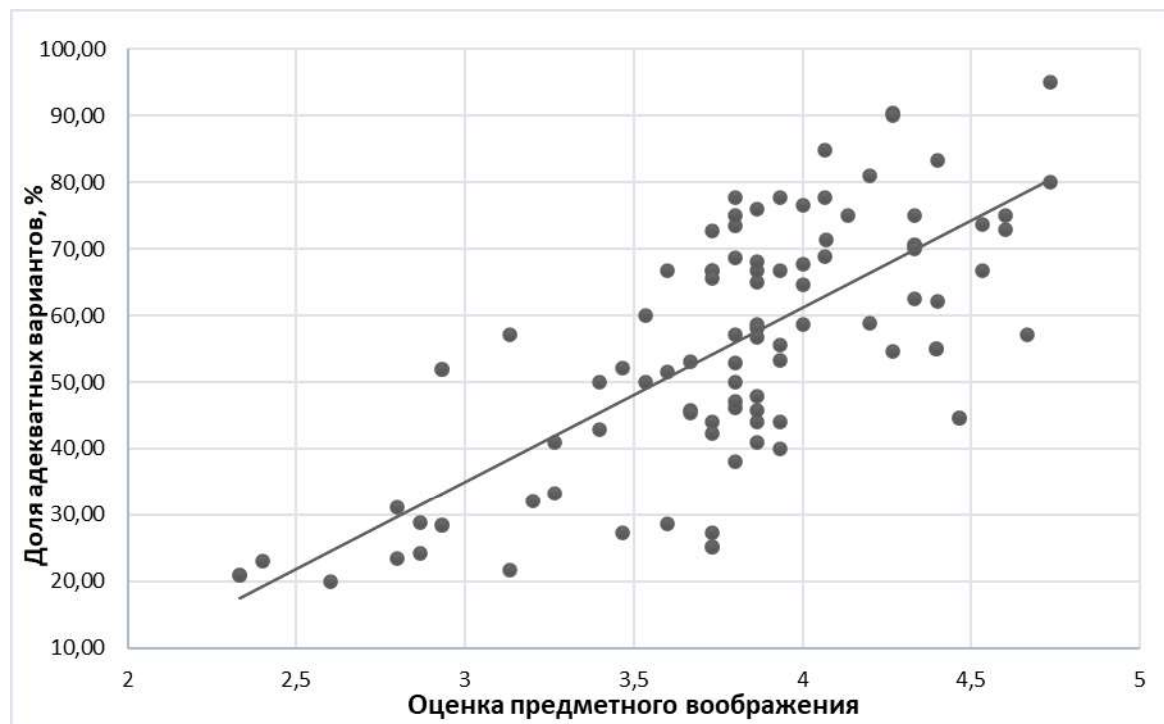

Рис. 6. Корреляционное поле 1 с линией тренда

Рассмотрев выбросы значений (нетипичные данные), мы обнаруживаем, что большая их часть соответствуют результатам ии. с низкой оценкой пространственного воображения (ниже 1,93). После удаления 25 точек, соответствующих данным ии., корреляционное поле приобретает следующий вид (см. Рис. 7). Хотя полностью избавиться от значительных выбросов таким способом не удалось, коэффициент корреляции r_s вырос до 0,73 при $p \leq 0,001$, что по шкале Чеддока соответствует высокой тесноте связи между параметрами.

Таким образом, мы видим, что ведущую роль при выборе адекватных вариантов перевода, как и ожидалось, играет предметное (иначе – предметно-ситуативное) воображение. При подробном рассмотрении пунктов опросника обращает на себя внимание тот факт, что наибольшая корреляция с долей адекватных переводческих решений наблюдается для пункта, относящегося к наличию чётких предметных образов вообще:

20 *Мои образы очень живые и фотографические* (коэффициент корреляции $r_s = 0,60$ при уровне значимости $p \leq 0,001$, это соответствует наибольшей статистической мощности (значимости) результатов исследования).

Следующими по величине корреляции выступают два пункта, непосредственно касающиеся склонностей и способностей к построению образов предметов, людей и ситуаций, никогда прежде не виденных:

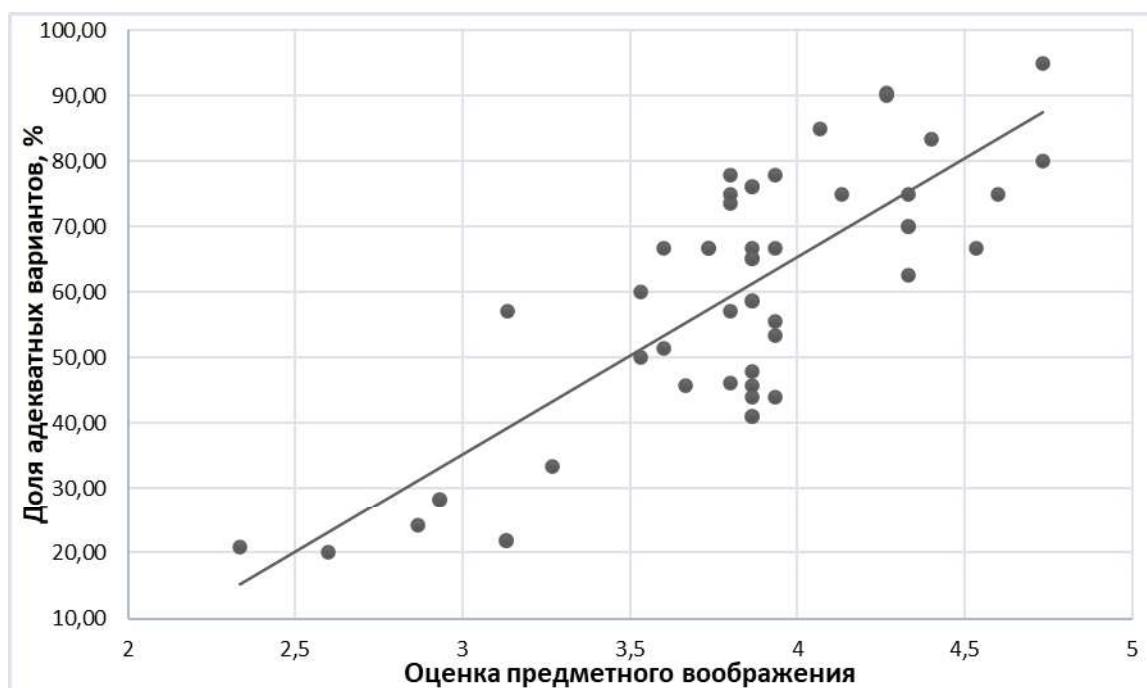

Рис. 7. Корреляционное поле 2 с линией тренда

45 *Слушая по радио диджея или ведущего, которого я никогда не видел, я произвольно представляю, как он мог бы выглядеть.* ($r_s = 0,53$ при $p \leq 0,001$);

11 *При чтении художественной литературы у меня обычно возникает ясный и детальный мысленный образ описываемой ситуации или помещения* ($r_s = 0,43$ при $p \leq 0,001$).

Напротив, в большинстве пунктов с коэффициентом корреляции менее 0,30 речь явно идёт о воспоминаниях реальных объектов и ситуаций:

Мои мысленные образы различных предметов очень напоминают по размеру, форме и цвету реальные предметы, виденные ранее ($r_s = 0,26$ при $p \leq 0,05$);

34 *Закрыв глаза, я могу легко представить сцену, которую когда-то видел* ($r_s = 0,25$ при $p \leq 0,05$).

26 *Когда я представляю лицо друга, я мысленно вижу совершенно ясный и четкий образ* ($r_s = 0,19$).

Отсюда можно сделать вывод о ведущем значении продуктивного (творческого) воображения в процессе перевода. Творческое воображение предполагает изменение образов, активную переработку эмоционального, когнитивного и чувственного опыта в новые сочетания, комбинации, позволяя как создание творческих произведений, так и просто новый взгляд на вещи [Боно 1997; Сонин 2009], что мы и наблюдаем, в частности, в случае смысловых переводческих трансформаций.

Обратим внимание также на пункты других субшкал, имеющие наибольшую положительную корреляцию с долей адекватных вариантов. Это пункт 30 из пространственной субшкалы: *Я легко могу нарисовать план знакомого мне задания* ($r_s = 0,49$ при $p \leq 0,001$), и пункт 37 из вербальной субшкалы: *Я всегда обращаю внимание на то, как строятся предложения* ($r_s =$

0,36 при $p \leq 0,05$). Примечательно, что в обоих пунктах речь идёт о внутренней структуре объектов – в первом случае о плане здания, во втором – о структуре (синтаксисе) предложения. Вероятно, это совпадение не случайно, учитывая тезис Н.Н. Болдырева, который относит синтаксические концепты к числу «многомерных», т.е. таких, которые предполагают знание как о языковых объектах, их свойствах и функционировании, так и о том, как связи и отношения между языковыми объектами отражают отношения между реалиями окружающего мира [Болдырев 2018: 181].

Хотя в целом, как следует из Табл. 2, корреляция между пространственным воображением и долей адекватных вариантов невелика, значительная обратная корреляционная связь наблюдается между параметрами «пространственное воображение» и «неадекватные трансформации» ($r_s = -0,52$): чем больше оценка пространственного воображения у испытуемого, тем меньше вероятность того, что он воспользуется неадекватным вариантом в своем переводе. Отсюда можно сделать осторожный вывод, что склонность/способность к формированию мысленных схем объектов также способствует формированию адекватной проекции текста у переводчика, что не позволяет ему использовать варианты, нарушающие смысл и логику описываемой ситуации. При этом для нахождения адекватных вариантов в большей степени требуется обращение к мысленным образам, имеющим выраженный иконический характер.

При том, что пункты используемого нами опросника касаются преимущественно визуальной модальности вторичного образа, обращает на себя внимание тот факт, что фрагменты текста, касающиеся речевых действий персонажей, также чаще переданы адекватно испытуемыми с высокой оценкой предметного воображения. Это фрагменты, описывающие подзывание уток “*Dilly, dilly, dilly, dilly!*” и косвенная речь *It was as the children said, hard to tell which was whosen.*

По-видимому, можно говорить не просто о разных способах визуализации информации, но, используя термин Л. Барсалоу, о разных характеристиках мультимодальной симуляции описываемой действительности.

Анализ литературы по проблемам когнитивной обработки информации при восприятии текста, его интерпретации и переводе, а также результаты собственного экспериментального исследования позволяют нам построить модель нахождения переводческих решений в зависимости от индивидуальных когнитивных характеристик и склонностей к построению мысленных (вторичных) образов определённого типа (см. Рис. 8).

При восприятии текста в сознании переводчика происходит параллельная активация языковых форм исходного языка (ИЯ) и языковых форм языка перевода (ЯП). И те, и другие активируют симуляцию описываемой ситуации с помощью предметного и пространственного воображения. Как подтверждается рассмотренными нами примерами, выбор адекватного варианта перевода осуществляется через посредство ситуативной симуляции с помощью предметного и пространственного воображения, независимо от того, состоит ли адекватное решение в выборе одного из потенциально возможных словарных

соответствий или представляет собой полное перевыражение с помощью смысловой трансформации.

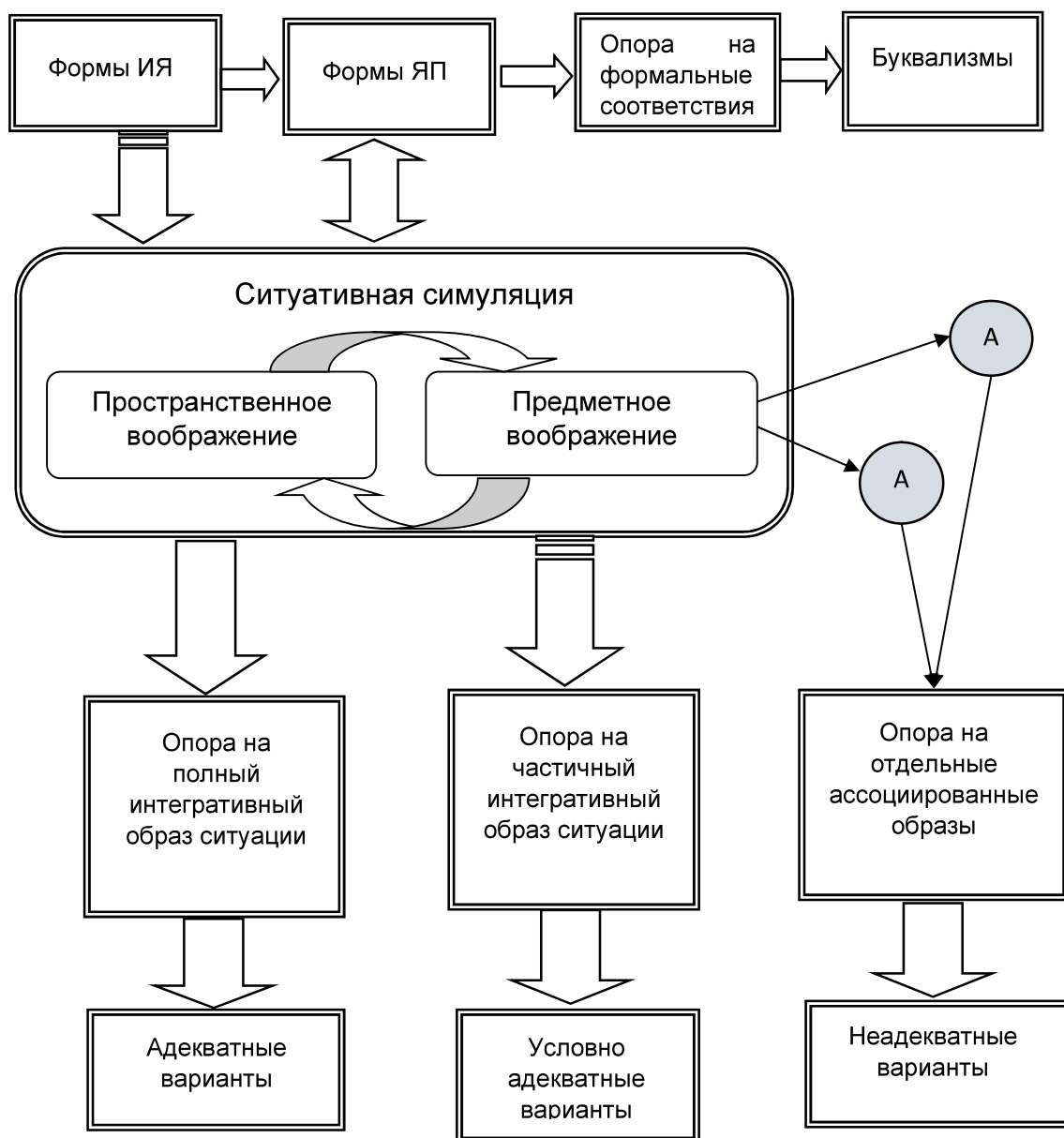

Рис. 8. Модель процесса принятия переводческих решений в зависимости от индивидуальных склонностей к построению мысленных (вторичных) образов

Условно адекватные варианты связаны с неполной интеграцией элементов ситуации, заданных оригиналом, и часто с их опущением или преобразованием. Поскольку корреляция количества условно адекватных вариантов с уровнем предметного воображения малозаметна, вероятно, основную роль при этом играют иные лингвистические и экстралингвистические причины, такие как недостаточная лингвистическая компетентность, малое знакомство с описываемыми реалиями, недостаток времени, усталость и другое. Неадекватные варианты, очевидно, связаны с невозможностью построить целостный образ ситуации, в немалой степени вследствие низкого уровня пространственного

воображения. В результате перевод осуществляется с опорой на отдельные ассоциированные образы (А), слабо связанные с содержанием текста в целом.

В *заключении* подводятся основные итоги исследования влияния индивидуальных особенностей построения вторичных образов на переводческие решения в процессе перевода художественного текста, предлагаются общие выводы, намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Основные положения работы отражены в следующих *публикациях*:

Публикации в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК
при Министерстве науки и высшего образования РФ

1. Шипулин А.Г. Влияние индивидуальных особенностей использования мысленных образов на переводческие решения при переводе художественного текста (на материале эксперимента) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. – № 7. – С. 2236-2240.

2. Шипулин А.Г. Эмпирическое исследование роли мысленных образов при переводе художественного текста // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2021. – № 2(69). – С. 254-259.

3. Шипулин А.Г. Эмпирическое исследование влияния предметных и пространственных вторичных образов на результаты перевода художественного текста // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2021. – № 4(71). – С. 266-273.

Другие публикации

4. Шипулин А.Г. Ментальные образы в процессе перевода художественных текстов // Языковое бытие человека и этноса: сборник научных трудов по материалам XVI Березинских чтений. Москва: ИНИОН РАН, 2019. – Выпуск 21. – С. 65-71.

5. Шипулин А.Г. Роль речезвуковых ментальных образов в процессе восприятия и интерпретации художественных текстов // Язык. Образование. культура: сборник научных трудов по материалам XIII Всероссийской научно-практической электронной конференции с международным участием, посвященной 85-летию КГМУ, Курск, 22–27 апреля 2019 года. – Курск: Курский государственный медицинский университет, 2019. – С. 56-61.

6. Шипулин А.Г. Вербальная и модальная обработка информации в процессе перевода // Векторы современного развития лингвистики, филологии, переводоведения и педагогики: Сборник научных статей / Под редакцией Е.А. Акуловой, Г.П. Чмыховой. – Брянск: Брянский государственный технический университет, 2020. – С. 108-110.

7. Шипулин А.Г. Взаимодействие вербальных и модальных когнитивных процессов при переводе художественных текстов // Университет на пути к новому качеству науки и образования: Национальная научно-практическая конференция с международным участием, Брянск, 24 сентября 2020 года. –

Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2020. – С. 77-82.

8. Шипулин А.Г. Ментальное моделирование и вторичные образы в процессе художественного перевода // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2020. – № 25-2. – С. 52-54.

9. Шипулин А.Г. Обработка вербальной информации и ментальное моделирование в процессе перевода // Языковое бытие человека и этноса: сборник научных трудов по материалам XVII Березинских чтений (Москва, 24-25 декабря 2020 г.) / под ред. В.А. Пищальниковой, Л.Р. Комаловой, К.С. Кардановой-Бирюковой, Н.С. Панариной. – Москва: ИНИОН РАН, 2020. – Вып. 22: Материалы XVII Березинских чтений. – С. 167-173.

10. Шипулин А.Г. Исследование роли вторичных мысленных образов различных видов при переводе художественного текста // Актуальные проблемы переводоведения и лингводидактики в контексте межкультурного взаимодействия: Сборник научных статей Международной научно-практической конференции, Брянск, 17–19 сентября 2021 года. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2021. – С. 325-331.

11. Шипулин А.Г. Соотношение языковых и модальных когнитивных систем в процессе перевода // Жизнь языка в культуре и социуме – 8. Материалы международной научной конференции. Москва, 28 – 29 мая 2021 г. – М., 2021. – С. 286-287.

12. Шипулин А.Г. Современные подходы к исследованию мысленных образов в процессе перевода // Филология и лингводидактика в современном научном и образовательном пространстве: Сборник докладов участников Национальной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, Брянск, 14–15 апреля 2021 года / Под редакцией А.В. Шаравина [и др.]. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2021. – С. 164-174.

13. Шипулин А.Г. Тенденции и перспективы исследования ментальных образов в переводческом процессе // Языковой дискурс в социальной практике: Материалы Международной научно-практической конференции, Тверь, 02–03 апреля 2021 года. – Тверь: Тверской государственный университет, 2021. – С. 208-212.